Начало горького пути

Родилась Мария Ивановна в небогатой крестьянской семье, которая жила в Тверской области. В семье Ивана Дмитриевича и Степаниды Филипповны Богомоловых росло четверо детей. Жили трудно, хотя хозяйство держали большое.

В 1932 году Мария Ивановна вышла замуж за Григория Андреевича Горшкова, своего земляка. Хоть и приданого богатого за ней не числилось, парню приглянулась веселая да работающая девушка. Вот он и посватался к Марии.

Молодые жили душа в душу, вот только с деньгами сложно было. Какие тогда в колхозе заработки! Потому и начал Григорий уезжать в Ленинград, где можно было неплохо подработать на заводе. А потом и семью с собой забрал. У них тогда уже две дочки росли: Тамара да Валентина. В 1940-м родился малыш Юра.

Когда началась война, Горшковы жили в Красносельском районе в поселке Сосновая Поляна. И надо так случиться, что не успели они уйти к своим в Ленинград.

- Мы столпились на берегу Финского залива, народу собралось очень много, - вспоминает Тамара. – В заливе находились два наших корабля. Надеялись, может, нас заберут. А тут на горку выкатился немецкий танк и начал стрельбу. Корабли в ответ начали стрелять, потом один из них загорелся. Второй взял его на буксир, и они вскоре исчезли из виду. А потом смотрим, из города идут трамваи, и один за другим взлетают на воздух, только горящие обломки в разные стороны. Наверно, на путях были заложены мины? Не знаю, но это зрелище до сих пор как наяву перед глазами, разве такое забудешь? Или то, как горели деревянные дома... Мы стояли прямо в воде, когда поднялся ветер, вода начала прибывать, но люди все равно боялись выходить на сушу. И тут я впервые увидела немецкого солдата. Большая каска, рукава закатаны, только блестяшки на форме блестят. Он крикнул нам: «Русс, ком!» И показал рукой: давайте, выходите! Люди послушались. Когда нас пригнали в Красное Село, мы увидели, что на месте нашего дома пепелище. Что делать? Жить негде, есть нечего. Хорошо, в поле оставались кочерыжки от убранной капусты, вот их и грызли, пытаюсь заглушить мучительный голод.

Потом всех повезли в Гатчину. Поселили в барак, а утром устроили смотр. Наиболее крепких, молодых мужчин отобрали и куда-то увезли, а женщин, стариков и детей посадили в товарные вагоны. Куда их везли, люди не знали.

Мария Ивановна до сих пор не может без слез вспоминать те дни: - Дочки были уже постарше, есть не просили, знали, что дать им нечего, только Юрка все время кричал: «Ка-а, ка-а!», просил кашку. А Валя тогда мне сказала: «Ты, мама не плачь, мы, когда приедем куда-нибудь, милостыньку попросим».

- Когда мы уже жили в Лямбуре, - вспоминает Тамара, - держали поросят. Так вот, начинаешь им запаривать крапиву, и этот запах сразу напоминает вкус травы, ведь нам и крапиву есть довелось, и лебеду. Лебеду не так почему-то помню, а вот вкус крапивы до сих пор на губах.

Маленького Юру похоронили в Новгородской области в селе Идрица, где они жили почти месяц. Ослабленный малыш не перенес воспаления легких. А потом им выдали справки и отправили домой. От деревни к деревне везли на подводах. Совсем уже немного оставалось до родимого села в Тверской области, когда в последней деревне

беженцев завернули обратно: «Старица... русский солдат! Никуда больше не поедете!» Всех вновь погрузили в поезд, теперь их путь лежал в Польшу. В одном из населенных пунктов, где они на время остановились, Горшковым пришлось жить в селе в одном доме с немецким портным и сапожником. Те к русским относились неплохо.

- Бывало, им принесут еду, а они мне кричат: «Тамара, неси кружку!» И обязательно поделятся. Даже сшили нам фартуки, но мы их прятали, боялись носить, чтобы другие немцы не увидели, не хотели подводить портного, - вспоминает дочь Марии Ивановны. – А вот в лагере натерпелись!

Имя твое "Ост"

Сначала они попали в рабочий лагерь на территории Польши – в городе Лида. Женщины работали на кирпичном заводе, муж Марии Ивановны - в депо. А потом мужа арестовали за связь с партизанами. Их тогда семь человек забрали. Выдал предатель. После казни мужа Марию Ивановну с детьми отправили в Германию.

В Германии Горшковы вместе с другими пленными жили в старых казармах. В бараке ютились русские, украинцы, белорусы. В соседнем, тоже бараке, но более обустроенном, жили французы, бельгийцы, итальянцы. Мария Ивановна работала в трудовом лагере.

Немцы очень строго следили за чистотой. Правда, все «удобства» для русских находились на улице: длинный ряд умывальников. И попробуй, не умойся, несмотря на мороз или дождь! За такую провинность жестоко били. Если кто отказывался от работы, таким был один путь – в концлагерь. О нем даже говорить боялись.

Завод находился глубоко под горой, работали там по двенадцать часов. До завода ездили по узкоколейке на поезде. Что выпускали на заводе, люди не знали, только гораздо позже, когда Мария Ивановна получала в КГБ справку, чтобы оформить компенсацию от немецкого правительства, она узнала, что это был авиационный завод.

- Один камень кругом, вода течет, - рассказывает женщина. – Ночью очень спать хотелось, так мы исхитрились, ставили рядом бутылку с водой, начнешь засыпать, напарница побрызжет тебе в лицо, от того и просыпаешься. Если что-то напортачишь, все на отдых - в барак, а тебе принесут ящик деталей и исправляй.

Их сама судьба хранила

Во время ночных тревог, когда город обстреливали с воздуха. Пленных в бараках не оставляли – выгоняли в поле, там неподалеку был овраг, вот туда люди и прятались. До сих пор и Мария Ивановна, и Тамара не могут забыть, как однажды во время ночного налета американские самолеты разбомбили их город и лагерь. Горшковых тогда судьба спасла. Мать работала в ночную смену, а дочек на завод взял с собой сосед по бараку, учитель из Орловской области Илья Яковлевич. Девочки хотели дождаться мать, чтобы потом вместе вернуться в лагерь. Однако утром поезд не пришел. Они пошли пешком, а навстречу им жители городка: «Не ходите туда, там города уже нет!» Они не послушались и пошли дальше. То, что довелось увидеть, и в страшном сне не приснится: поле, усеянное трупами людей, которые в надежде найти укрытие в овраге, выбегали из барakov. Здесь же лежали раненые, но кто бы им оказал помощь? К Марии Ивановне подбежал мальчик: «У меня мама там лежит, я около нее. Помогите!» Чем они могли

помочь? Потом они увидели речку. На мостике через нее лежали раненые и убитые, а вода... была розового цвета. И вот тут не выдержала Мария Ивановна, видимо, это было кратковременное помрачение рассудка, но она, как во сне, пошла к речке, наклонилась, чтобы зачерпнуть воды. Дочки с плачем бросились к ней, пытаясь оттащить в сторону: «Мама, мама, не надо, там же кровь течет!» Ко всему еще начался дождь. Они промокли насквозь сразу же. К счастью, навстречу попались двое итальянцев, которые укрывались большими одеялами. Увидев продрогших девчонок, остановились, потом перочинным ножом разрезали одно из одеял и накрыли Тамару с Валею, да еще и по бутерброду им дали. Как оказалось, после налета многие узники лагеря бросились громить магазины, запасаясь продуктами. Впрочем, многие и поплатились за это. Когда в город приехали немецкие части, всех стали обыскивать, у кого хоть кусок хлеба находили – расстреливали.

А еще через какое-то время всех рабочих согнали в концлагерь, предварительно убрав оттуда узников. О судьбе этих обреченных можно лишь догадываться.

И еще один эпизод не могут забыть мать и дочь. Когда их пригнали в концлагерь, там в лазарете оставались двадцать восемь больных. Немцы не стали тратить на доходяг патроны, просто выкопали под окнами барака глубокую яму и свалили всех туда, после чего закопали еще живыми.

Когда в город пришли американцы, они заставили немецких жителей раскопать яму и достать все трупы. Когда безвинно убиенных доставали, в кирхе неподалеку непрерывно звонил колокол, а потом состоялся митинг, прямо там же, в бывшем лагере. После освобождения Мария Ивановна вместе с дочерьми вернулась в Тверскую область, где встретилась с оставшимися в живых родственниками. Женщина долго болела, ведь на немецком заводе она заработала себе туберкулез позвоночника. А потом все вместе они переехали на родину мужа Тамары – в Лямбиль.

Е.СЕВАСТЬЯНОВА